

АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ

Из Нижнего-Новгорода в Ялту

С новым годом!

Живу я—нелепо, как всегда, чувствую себя отчаянно завинченным. В Ялту поеду в конце марта, в апреле, если не захвораю раньше. Ужасно хочется жить как-нибудь иначе—ярче, скорее,—главное—скорее. Недавно видел на сцене «Дядю Ваню»—изумительно хорошо сыграно было! (Я, впрочем, не знаток игры и всегда, когда мне нравится пьеса,—ее играют дивно хорошо). Однако, этот «Дядя» имеет в себе самом силу заставить и дурных актеров хорошо играть. Это—факт. Ибо есть пьесы, которые никак нельзя испортить игрой. И есть пьесы, которые от хорошей игры портятся. Недавно я видел «Власть тьмы» в Малом театре. Раньше я смеялся, слушая эту вещь, и она мне даже нравилась немножко, а теперь—я нахожу ее противной, карикатурной, уж никогда не пойду смотреть ее. Сему обязан—игре хороших артистов, беспомадно отенивших в ней все грубое, нелепое. Читал «Даму» вашу. Знаете, что вы делаете? Убиваете реализм и убьете вы его скоро—на смерть, надолго. Эта форма отжила свое время—факт. Дальше вас—никто не может идти по сей стезе, никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа—все кажется грубым, написанным не пером, а точно поленом. И,—главное,—все кажется не простым, то-есть не правдивым. Это верно. В Москве есть студент Георгий Чулков—знаете, он весьма удачно подражает вам, ей богу, пожалуй он—талантливый малый. Да, так вот—я вижу вы его укоряете. Я этому чрезвычайно рад. Будет уж. Ну его к черту! Право же—настало время нужды в героическом, все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь. Как только она начнет—жизнь прикрасится, то-есть люди заживут быстрее, ярче. А теперь вы посмотрите—какие у них дрянные глаза—скудные, мутные, замороженные.

Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказиками—возбуждаете в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни—чорт бы ее побрал! На меня эта ваша «Дама» подействовала так, что мне сейчас же захотелось изменять жене, отрадать, фугаться и прочее в этом духе. Но—жене я не изменил—не с кем, только вдребезги разругался с ней и с мужем ее сестры, моим закадычным приятелем. Вы, знаете, чай, такого эффекта не ожидали? А я не шучу. Так это и было. И не с одним мной бывает так—не смейтесь. Рассказы ваши—изящные огромные флаконы со всеми запахами жизни

в них и—уж поверьте!—чуткий нос всегда поймет среди них этот тонкий едкий и здоровый запах «настоящего» чувствительного, ценного и нужного, которое всегда есть во всяком вашем флаконе. Ну, все, однако, а то вы подумаете, что я это комплименты говорю.

Насчет отдельной книжки моих хороших рассказов,—вы это великолепно удумали, я устрою это, хотя решительно не согласен с тем, что «Спутник» хороший рассказ. Так-ли нужно было написать на эту тему! А все-таки вы мне, пожалуй, перечислите те рассказы, которые один другому стоят. Ну—«В степи», «Ивергиль», «На плотах», «Спутник»—а потом? «Челкаш»? Хорошо. «Мальва»?

Вы относитесь ко мне очень курьезно, то есть не курьезно, а как-то удивительно—нелепо, то-есть это не вы, должно быть, а я к вам. Престранное впечатление производят на меня ваши письма—не теперь, когда я ужасно рассердился, а вообще. Очень я их люблю и прочее, в этом же духе.

Вы простите за всю эту канитель, но дело видите-ли в том, что всякий раз, когда я пишу вам, мне хочется наговорить вам чего-нибудь такого, от чего вам было бы и весело, и приятно, и вообще легче жилось на этой, довольно-таки дрянной земле.

За сообщение о Средине—спасибо. Он тоже—чертовски хорошая душа. Только я никак не могу понять—за что он любит Тиньковского? Вот задача? Поклонитесь Средину. Да, говорят, что вы женитесь на какой-то женщине, артистке с иностранной фамилией. Не верю. Но если это правда,—то я рад. Это хорошо—быть женатым, если женщина не деревянная и не радикалка. Что самое лучшее—дети.

Ух! У меня сын озорник. И очень умный—вот увидите, весной привезу его. Только выучился у меня ругаться и всек ругает, а отучить я его не могу. Очень смешно—но неприятно,—когда маленький двухлетний шарлатан кричит матери во все горло: «Сию минуту пошла прочь алафема!»

Ан-афем-ма.

Однако, до-свидания!

Жму руку. «Фома» мой что-то все не выходит. Читали вы, как вас немцы хвалят? А недавно кто-то в Питере написал, что «Дядя» ваш лучше «Чайки». Это дело мудреное.

Пишите, пожалуйста.

А. ПЕШКОВ.

Примечание: Письмо на восьми страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. П. Чехова карандашом написано «1900.1».